

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ, КОТОРЫЕ ОПРЕДЕЛЯЮТ ПОВЕДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

УО «Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова»

Представлены сведения о сущности криминальной мотивации лиц, совершивших преступления. Обращено внимание, что общественно-опасные деяния могут совершать как психически больные, так и психически здоровые лица. Наличие психического расстройства ещё не означает его обязательной криминальной реализации, равно как и нельзя всех преступников считать психически больными. Существенную роль играют внутренние факторы в виде индивидуально-психологических особенностей субъектов правонарушения, состояния их психического здоровья в плане характера течения и глубины психического расстройства, а также внешние условия, которые могут способствовать либо сдерживать возникновение криминальных событий. Указано, что реализация преступного замысла здоровых лиц связана со степенью волевого контроля поведения, нормативно-ценностной ориентацией. В статье обращено внимание на необходимость комплексной профилактики преступных действий со стороны лиц с криминальным типом поведения. Представленная статья имеет конкретное практическое значение, раскрывает сущность криминальной мотивации лиц, совершивших общественно-опасные деяния.

Ключевые слова: криминальная мотивация, преступник, психическое расстройство, общественно-опасное деяние.

V. I. Petrov, N. V. Panteleeva, A. V. Dmitrov

TO THE QUESTION OF ESSENCE OF THE SOCIAL RELATIONS, WHICH DEFINE BEHAVIOUR OF PEOPLE

The data about the essence the criminal motivation of the people, who have committed the crimes are presented. It is turning the attention that social-danger actes can committed both the mental patients and the mental healthy people. A presence only the mental disorderes is not meaning its compulsory criminal realization, all the same it is wrong to count of all criminals the mental patients. The essential role is playing the inneres factors in the view the individual-psychological peculiarities the subjectes of law violation, the condition their mental health in the plan the character of trend and depth the mental disorderes and the outward conditions, which can furthering or restraining the appearance criminal events. There is the indication, that the realization of criminal device the healthy people is connected with the degree of the will control the bechaviour, their normal-value direction. In the article taking into consideration on the necessity of complex prevention the criminal actes with the side of people with the criminal type of bechaviour. The present article has the concrete practical meaning, opens the essence the criminal motivation of the people, who have comitted the social-danger actes.

Key words: criminal motivation, criminal, mental disorderes, social-danger action.

Человек как личность является продуктом истории, тех социальных отношений, которые определяют существенные различия в поведении людей. Деятельность одних носит социально-полезный характер, поведение других отличается стремлением нарушать общепринятые нормы. Учёные и практики многие годы ищут ответы на вопросы: Почему совершается преступление? Что привело человека к преступлению? Каково то внутреннее индивидуальное содержание индивида, которое внешне проявилось в преступном поведении? Какова роль внешних условий в реализации криминального действия?

Под поведением человека в общем смысле слова понимается его образ жизни и производимые им действия. В норме оно находится под произвольным интеллектуальным и волевым контролем. Анализ формирования преступного поведения (криминальной мотивации) предполагает раскрытие разнообразных сторон его происхождения. Понять любое поведение человека, в том числе и преступное, невозможно без глубокого проникновения в те психологические механизмы, которые делают криминальные мотивы определяющими в выборе приоритетных целей. Здесь недостаточно только изучить специфику ценностно-нормативной системы личности преступника, которая без сомнения искажена, важно рассмотреть проблему более разнопланово. Без предварительного изучения теоретических основ возникновения, формирования и реализации криминальной мотивации также невозможна разработка принципов исправления преступников. В XX столетии по данному вопросу учёными различных направлений высказывались разные мнения [5].

Так, сторонники биопсихологического подхода считали, что человек от рождения может иметь нечто, например «гены преступности» (врождённый атрибут), что определяет его преступное поведение. Они были последователями весьма популярных в XVIII веке «френологии» австрийского врача-анатома Ф. Галля (1758–1826) и концепции «прирожденного преступника» итальянскую психиатра, криминолога Ч. Ломброзо (1835–1909), ориентированных на антропологические данные. Другой учёный, французский психиатр Б. Морель, создал «учение о дегенерации», основным постулатом которого было утверждение, что в отдельных популяциях населения из поколения в поколение наблюдаются нарастающие признаки вырождения – интеллектуального, морального, физического, что является причиной преступлений как проявления «дегенеративного» процесса у человека с определенными психическими отклонениями. Кстати, с этого времени рассмотрение судебно-психиатрического аспекта в отношении любого обвиняемого стало обязательной практикой.

Немецкий психиатр Э. Кречмер в 20-х годах XX века выявил связь между типом строения тела и характером человека, что послужило толчком к массовому обследованию заключенных с целью обнаружения конституциональной предрасположенности к совершению определенных типов преступлений. Обследование законопослушных граждан и преступников показало, что среди осуждённых лиц с нарушениями физического и психического развития гораздо больше. Последовал вывод о существовании «прирожденного

типа преступника» и необходимости принятия к ним суровых мер, вплоть до физического искоренения.

Антрополого-конституциональный подход активно развивал в 30-е годы XX столетия профессор Колумбийского университета У. Шелдон. Он исследовал три классических типа телосложения (соматотипы) и пришёл к выводу, что один из них (мезоморфный) характерен для преступников [5].

Ряд учёных связывали преступную активность с характером функционирования желез внутренней секреции («эндокринная концепция преступности»). Так, М. Шлапп, Э. Смит утверждали, что дефекты в деятельности желез внутренней секреции приводят к эмоциональной неустойчивости. Их гипотеза о преобладании у воров повышенной функции щитовидной железы, надпочечников и убийц – надпочечников, а у половых преступников – половых желез в последующем при многочисленных обследованиях заключенных не подтвердилась.

Бурное развитие генетики в 30-х годах прошедшего века не оставило без внимания и генетический фактор как возможную причину преступного поведения. Немецкие ученые Й. Ланге, Ф. Штумпл и Г. Кранц, а также голландский криминолог Э. Легр сделали вывод, что гены являются решающим фактором криминальных действий. Уже в XXI веке появились сообщения об идентификации «гена преступности», что позволило Британскому совету по биоэтике в 2002 году заявить о том, что судьи должны изучать, наряду с заключением психиатрической экспертизы, генотип преступников перед вынесением приговора... Теоретические идеи из «евгеники», как науки о создании особого подвиды «человека правопослушного и гуманного», и вышеприведенный вывод о генетической обусловленности преступной мотивации поведения позволили ввести в нацистской Германии, а также в ряде других стран (Дания, США), практику кастрации и стерилизации как уголовной меры (только к 1968 году в тюрьмах США было проведено 65 тысяч «стерилизаций») [5].

Представители психоаналитических теорий Ф. Александер, Г. Бромберг, Г. Адлер считали, что в основе криминальной мотивации поведения лежат внутренние бессознательные противоречия. Выдвигались гипотезы о внутриспсихическом конфликте, который «отыгрывался» уже в виде запрещенных побуждений преступников. Психоаналитики утверждали, что причины асоциальности следует искать в детстве, например, в неблагоприятных отношениях матери и ребенка, приводящих к чувству покинутости, страха и возникновению желания быть под чьей-либо опекой. Г. Адлер даже делает вывод, что некоторые люди совершают преступления специально для того, чтобы тюрьма их «содержала».

Преступное поведение всегда вступало в противоречие с «разумными» социальными нормами. В связи с этим неоднократно предпринимались попытки однозначно представить преступника как душевнобольного. Учёные и практики уже давно рассматривают «психиатрию» и «право» как альтернативные системы контроля девиантных субъектов. По мнению одних, криминальность – это психическое расстройство, другие утверждают, что лица с выраженными психическими нарушениями рано или поздно совершат

□ В помощь практикующему врачу

преступление. Таким образом, существует два «крайних» научных взгляда, первый – это «психиатризация» преступности, второй – это «криминализация» психического расстройства. Ни тот, ни другой не являются абсолютной истиной, но практическое подтверждение в ряде случаев получает и первая и вторая точка зрения [2].

В рамках теории «умственной отсталости и душевных расстройств» преступное поведение объяснялось низким интеллектом (что определялось тестами) или данными опроса пациентов. Созданные в конце XIX столетия первые психологические тесты практически сразу были апробированы в судебной и пенитенциарной практике. Было установлено, что уровень интеллекта у заключенных не ниже, чем у населения в целом. Тем не менее, сторонники патопсихологического подхода в ходе исследований доказали, что психические расстройства в среде осужденных не так уж и редки и могут приводить к преступлению. Так, еще в 1918 году, Б. Глюк установил, что 18,9% заключенных являются психопатами, имели признаки антисоциального поведения в детстве и высокий риск рецидива преступления во взрослом возрасте.

С течением времени стало ясно, что не всегда преступник психически больной человек. В 1941 году появляется теория социопатической личности, утверждающая что есть «люди-социопаты» (H. Cleckley), у которых нет психических расстройств, а есть уникальная структура личности, которая и предрасполагает к асоциальному поведению. Но возникла другая проблема: «Какие черты личности могут являться главными причинами преступного поведения?». Х. Клеклей и Х. Гоу в 40-х годах XX столетия выделили следующие признаки социопатической личности: эгоцентризм, бесчувственность к другим, враждебность, наличие «двойных стандартов», отсутствие дружеских отношений, неумение делать верные выводы из ошибок и наказаний, проекция вины на других, отсутствие ответственности, эмоциональная бедность, бессмысленная ложь. Учёные указали, что «социопаты» могут быть как в криминальной, так и в некриминальной среде, что также не внесло ясность в вопрос: «Социопатическая личность ли порождает преступность или преступная среда подталкивает личность к антисоциальному поведению?». Аналогом «социопатической личности» в последней международной классификации болезней МКБ-10 является диссоциальное расстройство личности. Оно не равнозначно преступности, это – сформированная в ходе индивидуального развития неспособность придерживаться норм социального поведения. Многие никогда не вступают в конфликт с законом, оставаясь всю жизнь безответственными, лживыми по отношению к близким и сослуживцам. Основная черта данной личности – стремление непрерывно получать удовольствие и наслаждения, максимально избегая всякого напряжения и труда. При этом в её прошлом в избытке представлены асоциальные поступки в виде драк, краж, участия в криминальных группах, алкоголизации и наркотизации, что не всегда попадало в поле зрения правоохранительных органов.

В различных вариантах теорий научения подчеркивается, что именно внешние стимулы, а не внутренние психологические условия, являются ключевыми факторами, обуславливающими криминальное поведение. При этом это не только актуальные воздействия, но и испытанные в детстве, которые привели к выработке определенных образцов поведения (моделирование действий родителей).

Таким образом, основные теории причин преступности и личности преступника, активно разрабатываемые в XX столетии, реально ориентировали практиков на интерпретацию преступности как «индивидуальной болезни», не исключая при этом её социальной обусловленности. Поведение «хронического преступника» объяснялось влиянием на индивида малых групп, имеющих преступные модели поведения и создающих условия для их усвоения в ходе неформального общения. Все это ориентировало исследователей на поиск взаимосвязей между социальной средой и преступниками, в частности, через изучение трансформации их взглядов, жизненных ориентаций, оценок и т. д.) [1].

Преступления совершаются разными людьми, мотивы их поведения (то, что побуждает действовать, удовлетворять определённые потребности) могут отличаться. Исходя из структуры психической индивидуальности человека, существует три способа мотивации его поведения – на биологическом, психологическом и социальном (личностном) уровнях. В зависимости от способа мотивации в дальнейшем строится и линия поведения индивида.

Всех лиц, совершивших общественно-опасные деяния (далее ООД), с учётом состояния их психической деятельности, условно можно разделить на 3 группы: психически здоровые лица; лица,

страдающие непсихотическими расстройствами (отсутствуют признаки помрачения сознания, бред, галлюцинации); лица, страдающие психотическими расстройствами (психозами), с признаками грубых нарушений психических процессов в виде полной или частичной дезориентации, утраты реального продуктивного контакта с действительностью, нарушением мышления и поведения, потерей памяти на произошедшие события.

Состояние психических процессов у лиц первой группы (здоровые) позволяет им адекватно воспринимать окружающую среду, мыслить рационально, ориентироваться в пространстве, времени и ситуации, осознавать себя как личность. Под ней в психологии понимают совокупность постоянных, устойчивых качеств индивидуума, проявляющихся стойкими особенностями его поведения, свойственным ему жизненным стилем, а также формами отношения к себе и окружающим. Они могут осуществлять волевой контроль поведения и предвидеть (антиципационная способность) последствия своих действий. Другими словами, состояние их психики не мешает вести законопослушный образ жизни. Вместе с тем, не имея конкретного психического расстройства, эти лица обладают такими индивидуально-психологическими (характерологическими) свойствами и личностными особенностями, которые заставляют их становиться на криминальный путь. Причём, нельзя смешивать понятия «индивидуально-психологические свойства» и «личностные качества», которые отличаются по степени волевой регуляции поведения, использованию нравственных оснований, мировоззренческих установок, склонностей и социальных интересов при выборе поступков.

Мотивы преступлений у данной группы связаны с подтверждением собственной значимости (биологической и социальной), защитой личных интересов, охраной своего существования, желанием максимально реализоваться в материальном плане и др. В этом, наверное, и состоит личностный смысл большинства преступлений. Например, при изнасиловании преступник утверждает себя как биологическое существо... [2].

Установлено, что преступники от законопослушных граждан отличаются весьма существенными психологическими особенностями, которые и обуславливают их противоправное поведение. Уже находясь в местах лишения свободы, они из «индивидуальности» превращаются в «человека толпы», хотя отдельные характерологические и личностные особенности не исключают противоправных действий даже в жёстких условиях пенитенциарного быта. Психические расстройства, по данным литературы, составляют наибольший удельный вес (до 70,0%) среди заболеваний спецконтингента мест лишения свободы [6].

Понятие «личности преступника» наполнено определённым негативным психологическим содержанием, определяющим характерный нравственный облик криминальной личности. Она отличается от законопослушной личности нравственно-правовой спецификой в виде негативного содержания ценностно-нормативной системы и устойчивых психологических особенностей, сочетание которых имеет криминогенное значение и специфично именно для преступников: пренебрежением правовых норм, искажением морально-нравственных качеств, культивированием культа насилия, собственной исключительности, стремлением к удовольствию, когда приемлемы любые способы достижения цели и др. Они могут осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и руководить ими, что впоследствии при вынесении судебного решения по криминальному событию расценивается судом как состояние «вменяемости» и не препятствует реализации мер уголовной ответственности за преступление. Среди лиц, признанных экспертами «вменяемыми», 28,6%, или практически каждый третий, не имели никаких психических расстройств, а 71,4% обнаруживали те или иные психические аномалии в «рамках» «вменяемости» [1].

Создаётся впечатление, что иерархия жизненных ценностей психически здорового преступника отличается от таковой обычного гражданина или, во всяком случае, способами достижения этих ценностей (материальные блага можно и заработать и получить преступным путём). Изучение психологических особенностей отдельных категорий умышленных преступников, совершивших общеуголовные преступления (убийства, изнасилования, хулиганство, кражи, грабежи, разбои, хищения имущества, а также нанесших тяжкие телесные повреждения) показало их предрасположенность к совершению преступлений. Проще говоря, свойства личности снижали «криминогенный порог», что создавало условия для возникновения ООД. Индивидуальный нравственно-психологический

облик является одним из факторов совершения преступлений, но не есть единственная причина преступности. Нравственные особенности складываются под влиянием тех социальных отношений, в которые был включён индивид, т. е. имеют социальное происхождение. В поведении человека система внешних обстоятельств преломляется через «индивидуальную призму», систему внутренних условий. Поэтому эти два понятия нельзя рассматривать изолированно. В преступлении проявляется единство объективных и субъективных факторов. Ни одно внешнее обстоятельство и ни одно внутреннее состояние сами по себе не порождают преступного поведенческого акта [1].

Очевидно, что поведение – это внешнее проявление психической деятельности. Оно реализуется в поступках – действиях с явным социальным смыслом. ООД лиц с психическими расстройствами могут совершаться в острых психических состояниях (психозах) или без таковых. Причём, криминальная мотивация поведения может возникнуть у лиц, ранее не совершавших противоправных действий, и преступников, ранее уже выяснявших свои отношения с уголовным кодексом с известными последствиями... [3].

Исследование криминогенных черт личности преступников с психическими аномалиями, не носящими характера психозов, позволяет сделать некоторые теоретические выводы и объяснить преступное поведение таких лиц. Для них, кроме очевидных особенностей поведения в виде конфликтности, агрессивности, жестокости, также характерны тревожность, ригидность, внушаемость, что приводит к образованию нового системного качества – социальной дезадаптации.

Высокая тревожность индивида, которая впоследствии преодолевается путём совершения агрессивных действий, носит характер защиты от внешней агрессии. Криминогенность тревожности заключается не только в том, что она включает в себя беспокойство, незащищённость, но и определяет специфическое мироощущение, восприятие окружающей среды как неопределённой, чуждой и даже враждебной. Поэтому непонятны и чужды её нормы, предписания и запреты. Формируется «особое» отношение к миру, который, якобы, представляет угрозу. Важно понимать, что предрасположенность людей к повышенной тревожности не означает фатальности (неминуемости) формирования преступного поведения. Неблагоприятные последствия тревожности можно скорректировать надлежащим воспитанием.

Под ригидностью понимают неспособность личности изменять своё поведение в соответствии с изменением ситуации, приверженность к одному и тому же образу действия, несмотря на то, что внешние условия стали другими. Ригидность часто связана с тревожностью, а во многих случаях порождается ею. Для ригидности характерна «застываемость отрицательных эмоций», она часто связана с подозрительностью, злопамятностью, повышенной чувствительностью в межличностных отношениях. Подозрительность ригидных личностей отражает неблагоприятные ожидания и может приводить к своеобразной психологической защите в виде эмоциональных (аффективных) насильственных действий.

Внушаемость – это механизм психологического воздействия на личность, в результате которого субъект усваивает внешние для него побуждения, оценки, формы поведения. Она является существенным фактором мотивации поведения, в том числе противоправного. Внушаемость может участвовать в детерминации преступного поведения, например, в группе. Она наблюдается и при одиночных преступлениях под влиянием каких-либо идей, представлений, имеющих для индивида значительную ценность. Многие зависят от того, чей авторитет в данный момент для индивида предпочтительней. Во внушённом состоянии присутствуют (по В. М. Бехтереву) не критичность, невозможность произвольной коррекции внушённого состояния посредством волевого контроля и др.

Человеку в жизни нужны осознанные цели, собственная система координат, жизненных ценностных ориентаций, некая «карта» природного и социального мира. Без неё, по выражению Э. Фромма, он может «заблудиться» и утратить способность действовать целенаправленно. Эта потребность делает человека внушаемым. Преступления под влиянием внушения нередки в среде лиц с психическими аномалиями. Так, внушённые мотивы преступных действий, делающих поведение оторванным от его реальных потребностей, установлены у 7,0% психопатических личностей и у 40,5% больных олигофренией в степени дебильности. Повышенная внушаемость, отмечаемая у умственно отсталых, деградированных алкоголиков, истерических и неустойчивых психопатов, сознательно используется лидерами преступных групп, отводящих этим

лицам роль «козлов отпущения», на которых потом и пытаются свалить основную вину.

Дезадаптация душевнобольных, как фактор риска ООД, является следствием их отчуждения от общества и его ценностей. Психологические последствия отчуждения в виде дефицита общения выражаются в отсутствии эмоциональных контактов с людьми, специфическом восприятии окружающего мира как враждебного, с чуждыми социальными нормами, с ощущением одиночества, что может приводить к совершению правонарушений. Отчуждение, охватывая важные стороны жизни человека, становится причиной несовпадения целей и ценностей, ориентации группы и личности, когда человек не может усвоить групповые нормы поведения. Дезадаптация и отчуждение способны породить ответную агрессию как способ защиты от воображаемого нападения, что, как правило, и лежит в основе мотивации многих тяжких преступлений против личности [4].

Социальная изоляция психоаномальных лиц от нормальных житейских контактов в обычной социальной среде заставляет их искать признание среди подсобных себе. Рвутся общественно-полезные связи с семьёй, трудовыми коллективами с присоединением индивида, не обладающего должной критикой, к группам антиобщественной направленности (алкоголики, наркоманы). В таких группах правонарушитель ощущает свою групповую принадлежность к общим целям, личность одновременно получает возможность проявить свою индивидуальность, ощущает признание и поддержку [2].

Применительно к лицам, страдающим острыми психотическими расстройствами (психозами), в контексте рассматриваемой темы, можно выделить следующие нарушения психики: искажение восприятия окружающего мира, утрата контроля сознания и мышления над ситуацией (выключение из неё), над своими эмоциями, волевым контролем произвольного поведения, несостоятельность интеллекта в плане предвидения результатов своих действий, грубое нарушение психических функций. Теряется способность адекватно оценивать себя и окружающий мир, определять и реализовывать элементы деятельности, т. е. вести себя разумно и законопослушно. Человек как бы «не принадлежит самому себе». Его действия, в ряде случаев, начинают носить антисоциальную направленность, при совершении ООД он может действовать автоматизированно, с жестокостью «машины или автомата...». Применительно к данной группе лиц при совершении преступления специалистам судебно-психиатрической экспертизы важно решить вопрос: «Кто перед ними, преступник или психически больной?». Лица в состоянии психоза при совершении ООД расцениваются как «невменяемые», в отношении большинства из них реализуются принудительные меры безопасности и лечения в виде помещения в психиатрическую больницу специализированного типа (с общим, усиленным или строгим режимом наблюдения). Предотвращение реализации криминальной мотивации различных лиц в виде общественно-опасных деяний требует комплексной превенции со стороны всех заинтересованных служб МВД, МЗ и МО Республики Беларусь.

Таким образом, «личность преступника» отличается от «личности правопослушного гражданина» негативным содержанием её ценностно-нормативной системы и устойчивыми психологическими особенностями, понижающими «криминогенный порог».

Непсихические расстройства больных ослабляют их адаптацию к окружающей обстановке, вызывают отчуждение, снижают «конкурентоспособность» на рынке труда, что повышает риск общественно-опасных деяний с их стороны.

Криминогенное поведение больных в состоянии психоза определяется дезорганизацией психических процессов (нарушением отражения мира, искажением восприятия окружающего, дезорганизацией мышления и поведения), исключающей возможность правильного планирования действий, реализации намерений и предвидения их результатов. Содержание галлюцинаторно-бредовых переживаний больных, носящих агрессивный или защитный характер, требует от них активных действий в виде нападения или обороны, что чревато возникновением правонарушений.

Личностные особенности, способствующие криминальной мотивации поведения, определяются влиянием социальных отношений на индивида, соотношением внешних обстоятельств и его внутренних состояний. В преступлении проявляется единство объективных и субъективных факторов, которое может породить ООД или препятствовать совершению преступления, что подразумевает необходимость проведения комплексных профилактических мер.

□ В помощь практикующему врачу

Литература

1. *Антонян, Ю. М.* Личность осуждённых, имеющих психические аномалии, и их поведение в местах лишения свободы / Ю. М. Антонян // Проблемы повышения эффективности применения основных средств исправления и перевоспитания осуждённых: сб. науч. тр. – Рязань: ВШ МВД СССР, 1984. – С. 64–77.

2. *Балабанова, Л. М.* Судебная патопсихология (вопросы определения нормы и отклонений) / Л. М. Балабанова. – Донецк: Сталкер, 1998. – 432 с.

3. *Волков, В. Н.* Медицинская психология в ИТУ / В. Н. Волков. – Москва, 1989. – 196 с.

4. *Сандомирский, М. Е.* Психическая адаптация в условиях пенитенциарного стресса и личностно-типологические особенности осуждённых / М. Е. Сандомирский. – Уфа, 2001. – 88 с.

5. *Семке, В. Я.* Организация психиатрической помощи в учреждениях уголовно-исполнительной системы: учебное пособие для врачей психиатров и организаторов здравоохранения уголовно-исполнительной системы / В. Я. Семке, А. В. Диденко. – Томск, 2004. – 116 с.

6. *Черносвитов, Е. В.* Пенитенциарная медицина / Е. В. Черносвитов. – М.: Светотон, 2001. – 400 с.

Поступила 15.05.2015 г.